

ОДИН

В десяти словах и не расскажешь, каково это — исчезать.

Пожалуй, это примерно как идти вверх по лестнице в темноте.

Когда ночью возвращаешься в кровать из туалета или тащишься с вечеринки слишком пьяный, чтобы нащупать выключатель, и тебе подворачивается лишняя ступенька. Нога проваливается сквозь воздух, а за ней и весь твой живот. А в моем случае и все тело.

Вот ты есть. И вот тебя нет.

Ну вот, в десять слов не уложилась, а ведь это максимум, на что я могу рассчитывать с аппой¹ до того, как у него появится этот взгляд: «Я здесь, но как бы не здесь». Вечно он так — уходит куда-то в своих мыслях, куда мне нет доступа.

Сейчас 7:07 утра, я лежу одетая в кровати и прикидываю, как сказать ему то, что хочу сказать, так, чтобы он меня выслушал. Выслушал по-настоящему. Я думаю об этом со вчерашнего дня. С тех пор, как случилось исчезновение номер девять.

«Это же твой папа, — напредила мне Никита. — Конечно, он будет слушать!»

¹ Папа (*кор.*). В корейском языке есть специальные слова-обращения, которые используются в зависимости от статуса и пола собеседников, от степени родства.

Никите легко говорить. Она каждое воскресенье завтракает со своим папой булочками с домашним черничным джемом. Никита — моя лучшая подруга, и я люблю ее, но я ведь знаю аппу. Я закрываю глаза и пытаюсь представить, как мы с ним вместе готовим джем.

Немыслимо. Моему воображению такое не под силу.

И я снова принимаюсь пересчитывать слова, загибая и разгибая пальцы, как будто укладываю слоги в хайку¹. Но нет, я тут не стихи пишу. Я всего лишь ищу способ поговорить с собственным папой.

«Аппа, я тебе сейчас расскажу... Стоп, стоп. Это же не анекдот! Никаких бессмысленных предисловий. Сразу к сути, Эйми, сразу к сути».

Я репетирую, репетирую, и вот... Кажется, есть! Выкатываюсь из кровати, накидываю на плечо ремень своего пленочного фотоаппарата, хватаю вспотевшими ладонями рюкзак и направляюсь на кухню.

Застаю аппу сидящим за столом. Уже углубился в свой будничный утренний ритуал — пьет кофе из этой своей зеленой кружки с паукообразной трещиной вдоль ручки, листает ленту новостей на телефоне и ест хлопья. Сегодня — «Спешл Кей» с ванилью и миндалем. Наш кухонный шкаф забит коробками хлопьев (это старается аппа). Коробки расставлены по цвету (это стараюсь я). «Наша хлопьятека», — говорила мама. Это одна из немногих вещей, которые остались прежними после ее ухода.

¹ Традиционное японское стихотворение хайку состоит из семнадцати слогов, составляющих один столбец иероглифов.

— Доброе, Эйми, — бросает аппа, не отрываясь от экрана.

А я, пропуская формальности, беру быка за рога:

— Вчера опять случилось это.

Пальцы на миг замирают над экраном. Аппа поднимает глаза.

На его лице я вижу свои собственные густые брови, круглый нос, кривоватый рот. Все говорят, что я очень похожа на папу. Ты — дочь своего отца! Но выражение его лица нечитаемо. Может, это озабоченность? Да, пожалуй, он слегка встревожен. Он выпрямился и смотрит внимательнее. У меня в груди надувается воздушный шарик надежды. Аппа слушает.

— Ты исчезла? — спрашивает он.

Мы говорим на смеси английского и корейского. Это слово он говорит по-корейски:

— Сараджёссо?

Я киваю.

— Когда? В школе?

— В обед. На две минуты.

Блин! Я соскочила с отработанного сценария и слишком поздно поняла, что потратила все слова. Словно по сигналу, аппа расслабляет плечи и переводит глаза обратно на экран.

— Ну что ж. Две минуты — ерунда. Хорошо, что уроки не пропустила.

Воздушный шарик в моей груди лопается.

Кстати, неправда. Две минуты — не ерунда. За это время можно заварить кофе. Встретить любовь своей жизни. Сфотографировать что-нибудь — раз пятьдесят. Или, например, ты обедаешь в компании

лучшей подруги на трибунах школьного стадиона и вдруг исчезаешь, отправляешься в прошлое и застреваешь в воспоминании, пока тебя не вышвырнет обратно, как теннисный мяч, который мотается туда-сюда между настоящим и прошлым. И все это за две минуты.

— Это не ерунда, — говорю я. Мой голос срывается от разочарования. — Это уже третий раз с начала года, раньше не бывало так часто. — Я судорожно сглатываю, кулаки на лямках рюкзака сжимаются так, что белеют костяшки. — Мне нужна помощь. Думаю, нам стоит найти специалиста.

Слова тяжело падают между нами. Он снова поднимает глаза, и на какую-то долю секунды мне успеваешь показаться, что я к нему пробилась. На его лице — проблеск осознания, затвор объектива открывается навстречу свету. Потом он улыбается улыбкой, которая, видимо, должна меня обнадежить, и говорит:

— Повторяю тебе, Эйми, ты это когда-нибудь перерастешь. Тебе всего — сколько? — семнадцать? Это такой период. Никакой специалист не нужен. А пока постарайся себя контролировать. Как следует постарайся, ладно?

Я открываю рот, но из него не выходит ни звука. Возможно, это из-за превышения словесного лимита.

Снимок: дуэль взглядов между мной и аппой. Над кофе — пар, в холодильнике — гул, а в моем мозгу скукоживается алфавит. В голове у меня пустыня — сплошные пески на километры вокруг.

— Ты есть-то будешь? — Он кивает на стол, где уже поставил для меня пустую пиалу и пакет двухпроцентного молока, положил ложку.

Разочарование перерастает в гнев, сдавливая мое бессловесное горло. Он что, вот так закончит наш разговор? Хочется немедленно уйти в знак протеста, повернуться спиной и к нему, и к этой пиале. А то и дверью хлопнуть, чтобы ему пришлось обратить на меня внимание. Принять меня наконец всерьез.

Но у него такой умоляющий вид... Мол, ну пожалуйста. Пусть все будет как обычно по утрам. Хлопья и тишина. Папа с дочкой, ладно?

Как бы я сама ни была расстроена, аппу расстраивать не хочу. Это против моей природы. Я бы скорее смирилась с песками в своей голове, чем увидела огорчение на его лице. Я сдаюсь, бросаю рюкзак на пол, беру с полки упаковку воздушного риса «Райс Криспис», сыплю в пиалу. Движения дерганные — зерна валяются через край. Мой гнев выдыхается или, по крайней мере, уходит куда-то вниз и затихает.

— Все будет хорошо, — говорит аппа.

И мы погружаемся в привычную тишину, нарушаемую лишь хрустом и треском лопающихся во рту хлопьев.

У меня врожденный синдром чувственного искривления времени. Похоже на что-то из научной фантастики — типа чей-то неудавшийся эксперимент. На самом деле люди с этим редким синдромом физически перемещаются назад во времени к определенным воспоминаниям, если вновь испытывают

триггерные ощущения, связанные с этими воспоминаниями. Так, по крайней мере, говорилось в памятке, которую я получила в девять лет, когда в первый и единственный раз обратилась к доктору.

«Первопричина неизвестна, — объяснил он, — однако многие это перерастают. Вполне возможно, перерастешь и ты».

Мое триггерное ощущение — запахи. То есть, если я чувствую запах, связанный с неким воспоминанием, я перемещаюсь во времени именно в тот момент. Нет-нет, не каждый раз. Когда это случится, предсказать невозможно. Я могу в одну секунду исчезнуть из настоящего посреди фразы, посреди поедания сэндвича, посреди какого угодно занятия. Раз — и я в прошлом. Как только воспоминание заканчивается, я, как по щелчку, переношусь обратно.

Иногда (например, вчера) я пропадаю ненадолго. Самое длительное исчезновение — десять минут.

Аппа ухватился за слова доктора как за спасательный круг. С тех пор он называет это «таким периодом» и напоминает мне, что я перерасту синдром — это вопрос времени. Я долго ему верила. Исчезновения случались так редко, что их можно было воспринимать как мелкое неудобство. Но потом я стала пропадать чаще, и тогда появились сомнения. А если не перерасту? А если эта штука со мной навсегда?

Выбегаю из дома под мелкий дождь. Натягиваю капюшон ветровки и прикрываю ладонью фотоаппарат. Одновременно сканирую глазами улицу в поисках Никиты. А, вот же она, выезжает из-за

угла на своем «МИНИ Купере», сигналит и широко улыбается.

«МИНИ Купер» — краса и гордость Никиты. Она любовно называет свою машинку Карамелькой. Это ей родители подарили в начале года, когда она сдала юношеский водительский экзамен. Когда у меня тоже появятся права? Вот уж не знаю. Я даже теорию сдавать не решаюсь. Как представлю себе, что исчезаю из-за руля и устраиваю какую-нибудь жуткую аварию... Не говоря уже о том, что людям со СЧИВ требуется официальная справка с печатью от врача о допуске к вождению. Какой же доктор мне ее выдаст с учетом всех недавних исчезновений? Но Никита, добрая душа, подбрасывает меня до школы каждое утро. С чувством благодарности забираюсь на пассажирское сиденье — как хорошо внутри. Тем временем дождь усиливается. Типичный Ванкувер: один ливень за другим, и это в начале марта.

— Доброе утро! — говорит Никита. На ней оранжевый сарафан и сандалии на танкетке, потому что Никита Лай-Сандерс посылает погоду к черту и всегда одевается как в середине лета. — Как твой разговор с папой?

— Доброе утро. Норм. — Я, кажется, защелкиваю ремень безопасности чуть более агрессивно, чем надо.

Она поднимает бровь:

— Норм или НОРМ?

Норм — это норм. А НОРМ заглавными — это наш акроним, расшифровывается как Непреодолимое Ощущение Расширяющегося Мрака. Может, звучит немного пафосно, но когда мы его выдума-

ли, нам было по двенадцать и мы считали себя гениями.

— Заглавными, — вздыхаю в ответ.

— А-а. — Следя за дорогой, Никита успевает стрельнуть в меня быстрым сочувственным взглядом. — Все-таки не слушал? Даже после рассказа о вчерашнем?

— Да я, если честно, толком ничего не сказала.

Она качает головой в такт дворникам:

— Ну как так-то? Если бы я путешествовала во времени, моих предков интересовало бы все. Что за воспоминание? Были ли там они? Как они выглядели? И все такое.

— Ну ты же знаешь моего папу, — говорю я.

Она задумывается.

— Да вообще-то не очень. Я только знаю, что должна называть его мистер Ро и что он намного моложе моего папы. Около сорока, да?

— Тридцать шесть будет, вроде.

— А моим родителям по пятьдесят семь стукнуло. И они вечно говорят: «У Эйми такой молодой папа». Но, честно, во всем остальном твой отец — просто загадка.

Не знаю, как реагировать. Никита смотрит на меня так, словно ждет дополнительной информации. Вместо этого я включаю радио.

— Твоему папе, может, и не интересно знать, куда ты возвращаешься, но, если захочешь поговорить об этом, — Никита бросает мне улыбку, — у тебя есть я.

— Спасибо, — улыбаюсь в ответ.

Дело не в отсутствии доверия. Если я кому-то в мире и стала бы рассказывать о воспоминаниях,

в которые возвращаюсь, это точно была бы Никита. О некоторых я ей уже рассказала. Взять, например, исчезновение номер четыре — путешествие в тот момент, когда мы подружились. Мы были в шестом классе, и нам задали делать в паре арт-проект о китах из папье-маше (запах: газеты и клей для слаймов). Или исчезновение номер три: летние каникулы в Корее. Мне было семь, я уплетала сладкие корейские лепешки хотток вместе с сыном друга семьи (запах: корица и мед). Это был первый мальчик, в которого я втрескалась. Мой краш любил рисовать на себе фальшивые татуировки, и я разрешила ему нарисовать грушу на моем запястье и не стирала ее несколько недель. Никита до сих пор меня на эту тему подкалывает.

Просто об одних воспоминаниях говорить легче, чем о других. Я еще не придумала, как рассказать обо всех. Особенно о вчерашнем.

Никита добавляет, смущенно кашлянув:

— А еще напоминаю: если когда-нибудь вернешься в наш первый год старшей школы, пожалуйста, умоляю, не давай мне встречаться с Дэвидом. Он опять шлет сообщения. Не понимает парень намеков.

— Это так не работает. Ты же знаешь, там нельзя ничего менять.

В воспоминаниях я даже не могу ни с кем взаимодействовать. Я возникаю привидением, невидимкой для всех. Застреваю там и наблюдаю за происходящим, как в кино, пока не придет время возвращаться. Невозможность вмешиваться определенно снижает потенциальную привлекательность путеше-

ствий во времени. В жизни все не так прикольно, как изображают в разных фантастических фильмах.

— Ну просто держи в голове. Вдруг правила поменяются, — настаивает она.

— Заблокировать Дэвида любой ценой. Замечаю, — киваю я. — Так зачем он тебе пишет?

— Ой, вот только не заводи меня, — говорит Никита, готовясь рассказывать.

Я откидываюсь на сиденье, слушая вполуха. Мои мысли блуждают. Я обдумываю утренний разговор с аппой и замечание Никиты. Вдруг правила поменяются.

А серьезно, есть ли они вообще — правила? Я чувствую запах, исчезаю, возвращаюсь. Время не останавливается: то, что я пропустила в настоящем, уже не наверстать.

Все мои источники знаний о синдроме чувственного искривления времени — та памятка, интернет и маленький онлайн-форум для людей со СЧИВ, который я откопала несколько лет назад. Еще в прошлом году я ходила на групповую встречу в Ванкувере, но это мне мало что дало. Остальных ресурсов мне хватало. Но теперь... Я опускаю голову на ладонь, вспоминаю тот первый поход к врачу, когда мне было девять. Мне делали анализ крови, рентген, полное обследование организма. «Абсолютно здорова, никаких патологий, — заключил доктор. — И тем не менее».

И тем не менее.

— У меня еще не было пациентов с этим синдромом, — заметил доктор, метнув взгляд на аппу. — Не могли бы мы переговорить наедине? Я хочу при-